

Великая газовая игра

АЛЕКСЕЙ ГРИВАЧ

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Фонд национальной энергетической безопасности

Нынешнее обострение ситуации вокруг поставок российского газа в Европу с санкциями США против строительства газопроводов «Северный поток-2» и «Турецкий поток», польской интригой и жаркими политическими дебатами внутри европейских стран имеет в истории почти полный аналог. Проект газовой магистрали Уренгой – Помары – Ужгород в начале 80-х годов прошлого века был реализован в еще более жесткой ситуации холодной войны и идеологического противостояния между Советским Союзом и странами Запада. Уроки того времени и параллели с развитием событий, свидетелями которых сейчас являемся мы сами, описываются в книге Алексея Гривача и Константина Симонова «Великая газовая игра. Полвека борьбы США против Европы». Редакция НГВ с любезного разрешения авторов публикует выдержки из нее.

В ночь на 13 декабря 1981 года правительство Войцеха Ярузельского ввело военное положение в Польской Народной Республике в ответ на беспорядки, инициированные движением «Солидарность». Две недели спустя президент США Рональд Рейган объявил о применении набора санкций против Советского Союза. Он ссылался на то, что Москва несет «тяжкую и прямую ответственность» за польские события. США стали открыто играть на срыв строительства газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, пытаясь не допустить поставок в СССР необходимого для строительства оборудования, контракт на поставку которого был только что подписан в Дюссельдорфе

по итогам совместного проектирования газопровода и крупнейшего на тот момент международного тендера на закупку труб и комплектующих для компрессорных станций.

«КУРИНЫЕ ХВОСТИКИ»

В первую пятницу нового 1982 года компания General Electric, выполняя решения Белого дома, сообщила, что ее заявка на экспортную лицензию на поставку роторных комплектов по субконтрактам с европейскими производителями турбин GE – фирмами AEG, Nuovo Pignone и John Brown – отклонена. Американский концерн как владелец

лицензии стал направлять на предприятия партнеров предписания прекратить отгрузку лицензированной продукции в Советский Союз.

В Западной Европе разразилась масштабная торгово-дипломатическая война. Перед введением эмбарго на заседании Совета национальной безопасности Рональд Рейган эмоционально вопрошал: «Эти «куриные хвосты» в Европе – будут ли они по-прежнему «куриными хвостиками», если мы пойдем вперед (с санкциями против Советского Союза) и попросим их последовать за нами?» На что госсекретарь Александр Хейг дипломатично ответил: «И да и нет». Но попросил действовать максимально осторожно и не предпринимать резких шагов, которые могли бы привести к раздору с европейскими союзниками. И это притом что именно Хейг считался одним из главных ястребов в первой рейгановской администрации – как бывший командующий вооруженными силами США в Европе, он имел даже более жесткую позицию по отношению к советскому блоку, чем министр обороны Уайнбергер.

Первой на требования США официально отреагировала Западная Германия. Министр экономики Отто Ламбсдорф сообщил, что ФРГ будет выполнять заключенные с Советским Союзом контракты на поставку оборудования. Как писала газета Die Welt, «...министр объяснил далее, что взятое западными европейцами обязательство не подрывать "политику эмбарго США" относится только к тем поставкам, которые выполняются в основном самими Соединенными Штатами. Принятое обязательство не касается поставок, в которых Вашингтон играет роль субподрядчика. Это означает также гарантию для сделки "газ – трубы"».

А чуть позже Бундестаг отклонил инициативу оппозиционного Христианско-демократического союза (ХДС) о введении ФРГ санкций против Польши и СССР.

Примеру Отто Ламбсдорфа последовали французы и британцы. «Железная леди» – премьер-министр Соединенного Королевства Маргарет Тэтчер – лично сообщила Рональду Рейгану, что американская политика односторонних санкций представляет серьезную угрозу западному альянсу. Она была готова поддержать санкции против Польши, также введенные в канун Нового года и включавшие запрет на предоставление кредитов, поставки зерна и ряд других мер. Однако требовала отменить меры, введенные против газопровода из Сибири в Европу. Глава британского правительства прямо сообщила президенту США, что заказ на \$120 млн чрезвычайно важен для жизнеспособности заводов John Brown и сохранения нескольких тысяч рабочих мест. Поэтому Великобритания, как и другие страны Европы, выполнит контрактные обязательства, несмотря на американский запрет.

Санкции со стороны США не только ставили под угрозу строительство газопровода для Европы, но и существенно сократили бы европейские рабочие места в разгар кризиса и роста безработицы. Да и вероятность попасть под штрафы за невыполнение контрактов на поставку оборудования была достаточно велика. Поэтому, как и предполагал госсекретарь Хейг, реакция европейцев оказалась крайне негативной.

Самый решительный шаг предпринял президент Франции Франсуа Миттеран. Социалисты, пришедшие к власти осенью 1981 года, сразу же объявили о планах национализации ключевых предприятий. И к началу февраля соответствующий декрет был принят Национальным собранием. В список национализированных предприятий попали поставщики оборудования для трубопровода Уренгой – Помары – Ужгород: Alsthom Atlantique и Thomson-Brandt. После этого слово французских властей стало крепче стали, а сам Миттеран прямо заявил Рейгану, что контракты с русскими будут выполнены, несмотря на эмбарго.

17 февраля 1982 года в США на заседании Национального совета по разведке эксперты обсудили эффективность санкций и возможности Советского Союза их обойти. Было подтверждено, что Alsthom Atlantique (французский концерн) самостоятельно завершит заказ на 40 роторных комплектов в декабре 1982 года. Введенные в канун Нового года санкции не касались этого договора, так как технология была передана французскому концерну до их введения. Передать технологию другим производителям турбин в Европе, которые по-прежнему зависели от поставок роторов из США, Alsthom Atlantique права не имел, но уже вел переговоры с Советским Союзом о производстве еще 100 роторов.

Расширенный заказ мог быть выполнен к марту 1986 года, что означало бы примерно двухлетнюю задержку с вводом компрессорных станций для экспортного газопровода, однако едва ли привело бы к срыву проекта. К тому же, как отмечалось на заседании, СССР имел и другие способы ввести газопровод в срок за счет внутренних резервов, а уже потом дооснастить импортные турбины.

ЗЕРНО РАЗДОРА

Особенно Старый Свет раздражало то, что Вашингтон, несмотря на грозную риторику, не собирался вновь вводить эмбарго на основную статью американского экспорта в СССР – поставку зерна. Хотя это действительно могло бы нанести вред «потенциальному противнику». Весной 1981 года администрация Рейгана отменила зерновое эмбарго, введенное при Картере после ввода советских войск в Афганистан. Сделано это было, прежде всего, потому, что оно оказалось неэффективным – Москва нашла другого поставщика в лице Аргентины, а от ограничительных мер пострадали только фермеры США.

Показателен в этом плане диалог между Гельмутом Шмидтом и корреспондентом The New York Times Уильямом Сафайром, приведенный в опубликованном 19 февраля 1982 года эссе под говорящим заголовком «Газопровод Гельмута»:

– Вы не думаете, что миллиарды долларов выручки, которые Советы получают в результате газопровода, будут использованы на покупку западных технологий?

– Нет, они будут использованы для оплаты вашей пшеницы и вашего зерна.

– То есть, если мы не будем действовать против...

– (перебивая) Я хочу, чтобы вы напечатали то, что я сказал. Я именно это имел в виду.

– Повторите еще раз.

– Вы спросили меня, будут ли они получать большую прибыль, поставляя газ, и будут ли они использовать эту прибыль на покупку западных технологий. И я ответил: в первую очередь они будут использовать ее, чтобы заплатить за ваше зерно. Если вы продаете зерно миллионами тонн в Советский Союз, они должны платить за него. И им нужно зарабатывать немного денег. Вы не хотите брать рубли, вы хотите твердую валюту. Именно так.

– То есть единственное впечатляющее действие, которое Соединенные Штаты могут предпринять в сфере санкций, это зерновое эмбарго?

– Конечно, да. Я не призываю к этому. Но, конечно, это была бы единственная экономически значимая санкция, которую можно представить себе сейчас. Но я не призываю к этому.

«Когда западные немцы восстают против американского предложения отказаться от собственного контракта на общую сумму, равную 5 млрд фунтов стерлингов, предусматривающего поставки стальных труб для советского трубопровода, по которому природный газ должен поступать в Западную Европу, они защищают право своей страны на независимые действия. Право продавать сталь России («право Маннесмана») – это практически именно то, что написано в статье Основного закона, то есть в конституции Западной Германии», – писала лондонская газета Observer.

Разумеется, администрация Рейгана даже не рассматривала возможность вернуть запрет на экспорт зерна в СССР, так как это была очень выгодная для американцев сделка. Оказывать санкционное давление на Москву Вашингтон хотел, прежде всего, за счет европейских союзников. Но союзники принимать участие в этом не жаждали.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Европейская комиссия по общему рынку (представитель Еврокомиссии) на своем заседании в Брюсселе приняла решение ввести очень мягкие – можно сказать условные – торговые меры против Советского Союза: ограничение импорта на \$350 млн (всего 3,5% закупок) без упоминания конкретных позиций. Сначала в списке значились атрибуты «сладкой жизни»: автомобили, меха, икра и алмазы. Но против снижения импорта автомобилей выступили Дания с Бельгией, а другие страны добились исключения из конкретного списка мехов и алмазов. Попала ли под запрет икра, тоже осталось за кадром. В любом случае в столь усеченном и абстрактном виде санкции теряли всякий смысл, что абсолютно не устраивало американцев. Газовые контракты продолжали исполняться, как и было запланировано, хотя и без роторных комплектов от General Electric.

Следующий раунд дипломатической битвы высокого уровня состоялся в начале июня 1982 года на очередном саммите G7 в резиденции французских монархов в Версале. Там Рейгану предстояло убедить Миттерана, Шмид-

та, Тэтчер, Спадолини и Судзуки отказаться от поставок оборудования в Советский Союз – или хотя бы от кредитования. Президент США остался в явном меньшинстве. Только канадец Трюдо не имел острой прямой заинтересованности в сотрудничестве с Советским Союзом в газовой сфере. У японцев помимо поставок техники и труб для газопровода Сибирь – Европа на повестке дня стоял проект разработки сахалинского шельфа.

Единственное, чего Рейган смог добиться от европейских союзников, – это обещания не строить пока вторую нитку газопровода, от которой, впрочем, СССР и Европа уже и так отказались. Тем не менее для США это было важно – они боялись (нужно сказать, небезосновательно), что вкус к сибирскому газу придет к европейцам во время еды. А значит, вернуться к строительству второй нитки не составило бы никакого труда, имея перед глазами успешный пример первой от Уренгоя.

Кроме того, Рейгану на словах посулили, что покупатели советского газа будут стараться брать газ в соответствии с минимальными контрактными обязательствами, чтобы не нарушать правило take or pay («бери или плати»). За два года до предполагаемого начала поставок и за пять-шесть лет до выхода на контрактные уровни отбора такое обещание далось европейским лидерам очень легко.

Американский президент был глубоко уязвлен позицией союзников. После возвращения из зарубежного турне, включавшего помимо саммита в Версале посещения других столиц Европы, он собрал заседание Совета национальной безопасности, который принял решение не только не снимать санкции очевидно не работавшие, но, напротив, ужесточить их. Была принята исключительная на тот момент мера – распространить запрет на поставку в Советский Союз оборудования, производимого европейскими фирмами по американским лицензиям. Цель – затормозить реализацию «проекта века» хотя бы на два года, пока французы будут делать роторы турбин.

«Я тоже не хочу стрелять себе в ногу, – цитировала слова президента The New York Times, – но на карту поставлен вопрос о великом принципе. Это влияет на наш авторитет у наших союзников и у русских». Эмбарго приняло экстерриториальный характер...

24 июня 1982 года заместитель министра торговли США по международной торговле Лайонел Олмер озвучил процедурную сторону нового эмбарго. В случае нарушения запрета европейскими лицензиатами, им сначала будет направлено письмо с предупреждением. Затем последует отказ в получении запасных частей или технической документации от владельца лицензии. В крайнем случае нарушителю грозит уголовное преследование и штрафы до \$100 тыс.

Реакция Европы не заставила себя долго ждать. В тот же день по инициативе Германии, Франции, Великобритании и Италии прошло экстренное заседание комиссии по общим рынкам. В заявлении по его итогам было отмечено, что действия США по экстерриториальному распространению своей юрисдикции «...в сложившихся условиях противоречат международному праву, неприемлемы для Сообщества и вряд ли будут признаны судами

на территории Европейского экономического сообщества». Заместитель председателя комиссии по Общему рынку, отвечавший за промышленную политику, виконт Этьен Давиньон отметил, что министры иностранных дел Западной Европы решили подготовить правовое досье, чтобы противодействовать эмбарго и разрешить 20 компаниям, оказавшимся под санкциями, функционировать по законам страны пребывания.

Публично раскритиковала своего «друга Рона» (Рональда Рейгана) и «железная леди» Маргарет Тэтчер: «Дело в том, что если одна, пусть даже очень влиятельная, держава может сорвать выполнение заключенных контрактов, то я думаю, что это неправильно, – заявила она, выступая в парламенте. – Я думаю, что в конечном итоге это вредно для американских интересов, поскольку очень многие скажут: нет никакого смысла подписывать контракты на поставку материалов, машин и оборудования из США, если в любой момент они могут просто отменить договор» (цитируется по The New York Times).

Правительства европейских стран выпустили инструкции для своих компаний, разрешающие не подчиняться новым правилам, введенным США, и выполнять контрактные обязательства перед Советским Союзом в обычном режиме. 23 августа 1982 года правительство Франции выдало распоряжение компании Dresser-France S.A. совершить отгрузку трех компрессоров по уренгойскому договору. Пикантность ситуации придавало то, что Dresser France S.A. являлась стопроцентной «дочкой» американского производителя компрессоров – Dresser Industries Inc. (Даллас).

В итоге компания предпочла выполнить инструкции правительства Франции. 26 августа 1982 года ценный груз оказался на борту французского судна с символическим названием *Borodine* в порту Гавра и отправился в Ригу. Департамент торговли США тут же поместил Dresser-France S.A. и головного подрядчика *Creusot-Loire* в черный список, запрещающий любой экспорт из США в их адрес. Американские власти в тот же день выпустили указ, которым у провинившихся были отозваны все предоставленные ранее привилегии участия (прямого или косвенного) в транзакциях, производстве и прочей деятельности, где задействованы товары, оборудование, технические данные, привезенные из США. Также у Dresser-France отозвали все экспортные лицензии и приняли к ней ряд дополнительных ограничительных мер.

Несколько дней спустя фирма John Brown начала отгрузку шести турбин по контракту, руководствуясь указом правительства Ее Величества. Затем аналогичные операции совершили *Nuovo Pignone* и *AEG*. Их также добавили в черный список американского департамента торговли.

Апофеозом стал тот факт, что европейские производители из-за попадания в черный список не могли выполнить контракты перед покупателями из других стран, никак не связанными с советским газопроводом, а порой даже являющимися потенциальными конкурентами Советского Союза на европейских рынках.

«ПРОГРЕССИРУЮЩИЙ РАЗВОД» И ОТКАЗ ОТ САНКЦИЙ

За океаном стало наконец ясно, что санкции наносят вред не столько СССР и газопроводу, который продолжал интенсивно строиться, сколько единству Запада и НАТО. Министр иностранных дел Франции Клод Шессон охарактеризовал ситуацию как «прогрессирующий развод» между США и союзниками в Западной Европе. «Мы больше не говорим на одном языке. Между нами есть значительное непонимание, и это очень печально. Соединенные Штаты, кажется, абсолютно равнодушны к нашим проблемам. И это основной наш союзник, мощнейшая страна в мире, а мы даже больше не разговариваем», – сказал он в телеэфире (цитируется по The New York Times).

Администрация Рейгана стала искать пути выхода из ситуации с сохранением лица. Дипломатия работала не покладая рук. Подспорьем стал тот факт, что в конце августа 1982 года семь европейских газовых компаний подписали контракт с норвежской Statoil на поставку газа с небольших месторождений в Северном море. Контракт был карликовым – 1,5 млрд м³ для Германии и 2 млрд м³ на всех остальных – Францию, Нидерланды и Бельгию. Но учитывая, что норвежский газ администрация США предлагала в качестве одного из альтернативных советскому, этот договор можно было представить как успех в борьбе против потенциальной зависимости европейских союзников от СССР. Президент лично собрал несколько брифингов, посвященных открытию компанией Shell перспективной залежи 31/2, позднее названной Тролль, с запасами газа под 2 трлн м³. Американские власти связывали с этим открытием большие надежды убедить Западную Европу перейти с советского газа на норвежский. В Осло летали представители Совета национальной безопасности США, а в Нью-Йорк и Вашингтон – представители Statoil.

Однако норвежцы сильно разочаровали американцев, твердо сказав, что, учитывая состояние технологий, смогут начать добычу на месторождении Тролль никак не раньше середины 1990-х годов. Так и получилось. Но к тому времени уже не было Советского Союза, а поставки из России в Западную Европу (без Турции) выросли до 70 млрд м³ в год.

В публичном пространстве почва для изменения или отмены санкций, разрушавших единство союзников по НАТО, начали готовить уже в конце августа – начале сентября 1982 года. То есть спустя всего два месяца со дня официального распространения эмбарго на европейские компании. Спецпредставитель Рональда Рейгана по торговле Уильям Брок 28 августа в телевизионном эфире заявил, что правительство США хочет изменить санкции против газопровода таким образом, чтобы экономическое давление на Советский Союз стало общим.

Впрочем, уже первые контакты на уровне послов показали, что добиться такого соглашения будет сложно. Франция требовала безусловной отмены «незаконных односторонних санкций». Схожей позиции придерживалась Германия, но в ФРГ в конце сентября 1982 года предсто-

яли очередные выборы в бундестаг, и, по всем прогнозам, социал-демократическая партия Германии (СДПГ) действующего канцлера Шмидта должна была проиграть коалиции ХДС/ХСС Гельмута Коля. Что и произошло.

13 лет правления немецких социал-демократов, для которых восточная политика налаживания и развития торгово-экономических связей с Советским Союзом и другими странами СЭВ была важной частью внешнеполитического курса, подошли к концу. Но главой МИД ФРГ остался Ганс-Дитрих Геншер, занимавший этот пост и при Шмидте. А официальные представители нового правительства Западной Германии подтвердили приверженность политике строительства газопровода и контрактам на поставку оборудования и труб для его запуска. Гельмут Коль на первой же пресс-конференции в качестве канцлера ФРГ заявил, что отношения с США – это отношения «дружбы и партнерства, а не зависимости». Тем не менее смена караула в ФРГ открывала Вашингтону окно возможностей для того, чтобы подписать «сохраняющее лицо» соглашение о замене санкций на отказ от экономического субсидирования «советской военной мощи» в будущем.

Главная же загвоздка была в том, что европейцы, а особенно Франция, были глубоко уязвлены «ковбойскими» действиями Рейгана в истории с газопроводным эмбарго. Американский президент пытался обойтись с ними не как с союзниками, а как с вассалами, «куриными хвостиками», по его собственному выражению. Вашингтону же для сохранения лица требовалось формальное соглашение, которое в сложившихся условиях, по сути, было невозможно.

В начале ноября 1982 года Ф. Миттеран и М. Тэтчер после переговоров провели совместную пресс-конференцию, на которой дружно заявили, что будут приветствовать отмену санкций Вашингтоном, но никаких «свежих обязательств» со стороны европейцев ждать не стоит.

Этот клинч, вероятно, мог тянуться еще несколько месяцев, если бы не смерть с 9 на 10 ноября 1982 года генерального секретаря СССР Л. И. Брежнева. Официально о ней сообщили лишь через сутки. А уже 13 ноября президент США Рональд Рейган в еженедельном субботнем радиообращении к нации объявил, что Соединенные Штаты достигли с европейцами соглашения о согласованной экономической политике в отношении Советского Союза. Поэтому он принял решение снять санкции против газопровода.

Суть соглашения, якобы достигнутого с союзниками, заключалась, по словам Рейгана, в следующем: не предоставлять преференций в торговле, которые будут служить военному или стратегическому преимуществу СССР; провести срочное исследование альтернативных источников энергоснабжения Западной Европы. Кроме того, по заявлению президента США, союзники пообещали не заключать новых контрактов на закупки советского газа, пока упомянутое исследование не будет завершено; проявлять повышенное внимание при поставках высокотехнологичной продукции в Советский Союз; усилить контроль над торговлей стратегическими товарами и гармонизировать кредитную политику – иными словами, отказаться от субсидирования процентных ставок при предоставлении новых займов.

Все эти положения были и так уже отражены в коммюнике встречи G7 в Версале, после которой Вашингтон распространил санкции на европейские компании и развязал торгово-дипломатическую войну. Что касается обещания не подписывать новые контракты на закупку газа, то западные европейцы и не планировали этого делать в ближайшее время.

В Лондоне, Риме и Бонне сдержанно поприветствовали решение Рейгана, заявив, что это позитивные новости для Запада и торговли с СССР. Хорошую мину при плохой игре американцам подпортила Франция. Министерство иностранных дел пятой республики выпустило официальное заявление, гласившее, что «объявление президента Рейгана о новом соглашении по торговле между Востоком и Западом в министерстве расценивают как преждевременное».

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕМПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

Санкции привели к тому, что строительство газопровода стало для СССР одним из национальных приоритетов. Возможно, сегодня слова о трудовом энтузиазме вызывают ироничную улыбку, но это было действительно так. В марте 1982 года министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б. Щербина пишет записку в ЦК КПСС, где фиксирует, что только к февралю 1982 года министерство получило около 8 тыс. писем от желающих трудиться на строительстве газопроводов.

Реальные темпы строительства оказались просто космическими. Если к 1 июля 1982 года было проложено 75 км трассы, то уже 17 августа 1983 года руководство Миннефтегазстроя рапортовало о проведении испытаний всей линейной части трубы протяженностью 4451 км через труднодоступную тундру, Уральские горы, бесчисленное количество рек и Карпаты – вплоть до западной границы Советского Союза.

1 января 1984 года, всего через 18 месяцев после принятия советским руководством решения о строительстве газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, западносибирский газ с крупнейшего в мире на тот момент Уренгойского месторождения пришел в Западную Европу (средняя приведенная к единому диаметру 1420 мм скорость строительства в семь раз превысила скорость прокладки Трансаясинского трубопровода в США и в 11 раз – трубопровода из Алжира в Италию). Запасы месторождения оценивались более чем в 16 трлн м³. Торжественные мероприятия по этому поводу состоялись во Франции, что оказалось несколько неожиданно, но в то же время символично. Французы не были ни основными покупателями по заключенным под «стройку века» контрактам, ни ключевыми поставщиками оборудования для газопровода. Формальная передача газа от «Союзгазэкспорта» к национальному монополисту Gaz de France происходила в австрийском Баумгартене, под Веной. Чтобы попасть к французам, газу Уренгой предстояло пройти не только Восточную Европу, но и Австрию с Германией. ❗